

УДК 04.316:303; 316:001.8

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-13-21

АНДРИЯНОВА Татьяна Владимировна
Курский государственный университет
г. Курск, Россия
andriyanova.tv@gmail.com

Tatyana V. ANDRIYANOVA
Kursk State University
Kursk, Russia
andriyanova.tv@gmail.com

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА И ПРОБЛЕМА ЕЕ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ**

**HISTORICAL MEMORY OF STUDENT YOUTH OF
THE REGION AND THE PROBLEM OF ITS
FALSIFICATION**

Проблема фальсификации исторической памяти является актуальной в молодежной среде, так как это наиболее транзитивная категория населения, подверженная влиянию различных источников. Объект исследования предстает как интегративный в теоретических подходах зарубежных и отечественных авторов. Основные подходы к исследованию коллективной памяти, заложенные еще Э. Дюркгеймом, находят свое продолжение и развитие в теориях М. Хальбвакса и А. Варбурга («социальная память»). С точки зрения социокультурного подхода следует выделить польскую школу исследования исторической памяти (Б. Шацка, Е. Вятр), где вводится новое понятие - «киберпамять» (К. Штоп-Рутковская). Отечественные концепции исторической памяти находятся в стадии разработки и представлены в основном дискуссией в периодической печати (Ж.Т. Тощенко, А.Г. Васильев, И.Б. Бритвина). Методологической основой исследования выступает генерационный подход, сформулированный Х. Шуманом и Ж. Скоттом. В качестве базового поколения для анализа выбрана студенческая молодежь региона. Эмпирическая часть опирается на вторичные данные российских региональных исследований, демонстрирующие сложные отношения субъекта и объекта в контексте демонтажа общественных отношений. Для молодежи по-прежнему значимой остается тема Родины, ее национального самоопределения. Вместе с тем достаточно размытыми остаются основные категории этих понятий, что связано с утратой значительной части традиционных каналов трансляции исторической памяти, передачей этих функций в целом исключительно институту образования, что не может компенсировать проблему утраты смысла и значения исторических событий.

Historical memory is an integrative object of research in the theoretical approaches of foreign and domestic authors. The distortion and falsification of historical memory is manifested to a greater extent in the youth environment, as the most transitive category of the population. The young generation is subject to the influence of various external sources, thanks to which it exhibits tolerance to complex events. E. Durkheim laid the basic approaches to the study of collective memory, then it continued M. Halbvaks and A. Warburg ("social memory"). The Polish school of historical memory research in the context of a sociocultural approach (B. Szacka, E. Vyatr) introduces a new concept - "cyber memory" (K. Shtop-Rutkovska). Domestic sociological concepts of historical memory are presented by the discussion in the periodical press (J.T. Toshchenko, A.G. Vasilyev, I.B. Britvina). The methodological basis of the research is the generational approach formulated by H. Schumann and J. Scott. The student youth of the region was chosen as the basic generation for the analysis. The empirical part is based on the secondary data of Russian (2012-2015) regional studies, which demonstrate the complex relations between subject and object in the context of the dynamics of social relations. For young people the theme of the Motherland, its national self-determination remains significant. At the same time, the main categories of these concepts remain quite vague, which is associated with the loss of a significant part of the traditional channels of transmission of historical memory, the transfer of these functions as a whole exclusively to the institution of education, which cannot compensate for the loss of meaning and significance of historical events.

Ключевые слова: коллективная память, социальная память, историческая память, киберпамять, культурная память, молодежь, современное общество, коммеморативные ритуалы, память мира, генерационный подход

Key words: collective memory, social memory, historical memory, cyber memory, cultural memory, youth, modern society, commemorative rituals, memory of world, generational approach

Для цитирования: Андриянова Т.В. Историческая память студенческой молодежи региона и проблема ее фальсификации. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 13-21. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-13-21.

For citation: Andriyanova T.V. Historical memory of student youth of the region and the problem of its falsification. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 13-21. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-13-21. (in Russ)

Введение

Актуальность сохранения исторической памяти во многом определяется условиями трансформации современного российского общества. Во внутренней политике нашей страны все больше делается акцент на воспитании патриотизма в молодежной среде, где наиболее остро ощущается необходимость переосмысления внутрисоциальных и мировых событий. Порой неоднозначные оценки исторических событий и персоналий побуждают молодежь к критическому осмыслению новой поступающей информации о прошлом, самостоятельному оцениванию событий, а интенсивная динамика общественной жизни - к еще более быстрому реагированию на них. Речь идет о комплексном формировании гражданского самосознания молодого поколения, в котором сохранение исторической памяти играет основополагающую роль. Историческая память как резерв развития общества влияет на общее состояние страны и народа. Она напрямую зависит от связи между поколениями, передачи смыслозначимых ценностей, основных гражданских и патриотических позиций. В научном мире постоянно ведется дискуссия о том, каковы границы исторической памяти, насколько они прочны или, наоборот, подвижны для каждого вступающего в жизнь человека.

Истоки рассмотрения феномена исторической памяти можно найти в начале XVII в. в трудах философов Нового времени в духе эмпиризма (Ф. Бэкон, Д. Юм), рационализма и механицизма (Р. Декарт). Разные ценностно-мировоззренческие позиции позволили им разработать свои философские концепции, на основе новой методологической проблематики. У Бэкона - это критика «идолов» и методы опыта и индукции, у Декарта - дедукция, основанная на ясных и очевидных истинах.

«Идолы разума», в данном случае «самые глубокие самообольщения человеческого ума», представляют собой шаблоны, стереотипы, предрассудки сознания и выражают неизбежную ограниченность человеческого мышления в своих четырех видах: «идолы рода» - свойственные всему человеческому роду, природные особенности человеческого разума; «идолы пещеры» - данные от рождения индивидуальные особенности и привычки каждого человека, в соответствии с которыми «каждый человек смотрит на мир из своей собственной пещеры»; «идолы рынка», связанные с формированием различных стереотипов и заблуждений в общественном сознании благодаря двусмысленности и многозначности слов языка; «идолы театра», означающие власть ложных авторитетов [1]. Декарт, в свою очередь, считал, что значение истины состоит в освобождении от ненужных контекстов, то есть, «определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений» [2]. Рассматривая коллективную (социальную) память как накопленный опыт человечества, транслирующий культурные ценности из поколения в поколение, философы отмечают возможности ее субъективной трактовки и искажений.

В сферу социологического анализа историческая память входит начиная с середины XIX в. Как указывает исследователь этого вопроса А.Г. Васильев, Э. Дюркгейм обращается к теме коллективной памяти в работе «Элементарные формы религиозной жизни» (1912 г.) в контексте изучения коммеморативных ритуалов как церемоний репрезентаций мифической истории предков [3]. Среди них первыми являлись поминальные обряды на наиболее важных объектах поклонения - местах захоронений предков, а в целом «ритуалы выполняют функцию носителей социальной памяти» [4, с. 153]. В современном обществе на место ритуала приходит закон, поддерживающий механизм социальной солидарности. «Общее положение дюркгеймовской социологии о том, что общество нуждается в

определенной степени интеллектуального, морального и эмоционального конформизма своих членов, с необходимостью приводит и к более частному выводу о социальной необходимости "конформизма мемориального"» [4, с. 146].

Последователи Дюркгейма, из которых мы выделяем социолога М. Хальбвакса [5] и историка искусств А. Варбурга [6], в 20-е годы XX в. вводят в научный оборот понятия «коллективная память» и «социальная память». Они в той или иной мере ответили на вопрос: что помогает сохранять обществу коллективную идентичность в условиях повседневности, вне ритуальной практики.

Концепт исторической памяти формируется во второй половине XX в. в работах ряда ученых. Исследователь культуры А. Моль [7] выделяет в культуре две стороны - индивидуальную и социальную и вводит для характеристики последней понятие «память мира» («всемирная сознательность»). Оно складывается в процессе культурогенеза из разных производимых в обществе артефактов и усваивается человеком в течение всей жизни, ассоциируясь с рядом оценочных суждений.

Основатели школы «Новой исторической науки» («Анналов») французские ученые М. Блок и Л. Февр взглянули на проблему трактовки исторических событий с другой методологической позиции. Она в определенной степени может быть связана с «идеальными типами» М. Вебера в том смысле, что явление изучается ретроспективно в поздней сложившейся форме с применением метода «плотного описания» (thick discription). Февр, критикуя сложившиеся подходы к описанию исторических событий в учебниках истории, приводит в качестве негативного примера «Историю России», вышедшую в 30-е годы XX в., где невозможно угадать подлинной роли нашей страны в мировых процессах [8]. В противовес этому предлагается трехмерный подход к анализу социума с точки зрения природно-географических условий, структуры и «конъюктур» (циклические социальные изменения).

Позднее в работах Я. Ассмана появляется понятие «культурная память», которое имеет явно выраженную сакральную окраску и вызывает необходимость появления посредника, обладающего соответствующими полномочиями и компетенцией [9].

В польской исследовательской школе коллективная память принципиально внеисторична, в ней действуют достаточно «мифологизированные образы» вне исторического контекста и недоступны для внешнего вмешательства [10]. В книге польского ученого Е. Вятра дается характеристика польских национальных интересов и отношения к России в контексте международных исследований отношений поляков к различным историческим событиям. Историческая память в данном случае предстает через призму самосознания населения и его патриотических настроений [11]. В исследовании К. Штоп-Рутковской вводится новое понятие «киберпамять», как «содержание, представляющее тему прошлого: события, места, предметы и людей (как героев, так и антигероев), а также способы сохранения этого прошлого в памяти и специфические культурные практики, связанные с процессом коммуникации посредством новых медиа» [12].

Один из ведущих исследователей социальной памяти Дж. Олик указывает, что, несмотря на значительный вклад различных дисциплин в исследования в области социальной памяти, они до сих пор являются непарадигматическими и трансдисциплинарными, не имеют четких границ. Автор предлагает исправить эту относительную дезорганизацию и восстановить из разнообразия работ, посвященных социальной памяти, традиции ее изучения, ключевые определения и основу для будущей концепции социальной памяти [13].

В отечественной социологии также были намечены основные подходы к изучению исторической памяти. По словам Ж.Т. Тощенко, «если для истории социальной мысли очень важен и интересен генезис всех без исключения социальных идей на всех этапах общественного развития, то для истории социологии центральной идеей является исследование теории и практики функционирования гражданского общества, его зарождения и функционирования в условиях, когда оно обеспечивает возможности для развития каждого человека». Немаловажным для исследователей является и вопрос о методологии, в данном случае социологии истории, которая должна иметь возможность быть вы-

раженной в дискретном плане, в количественной и качественной квантификации информации [14].

В 2001 г. в рамках дискуссии о методах изучения исторической памяти состоялся круглый стол по проблемам преемственности и трансформации исторической памяти, основой для которого послужили исследования: «Историческое сознание: тенденции развития в условиях перестройки» (1990 г., N= 2196) и исследование Социологического центра РАГС (2001 г., N= 2401).

Несмотря на значительное количество отечественных источников, посвященных теме исторической памяти, которым соответствует такой же солидный массив исследований начиная с 1987 г., пока не существует ни одной монографической работы по данной проблематике. В существующих социологических исследованиях уделяется недостаточное, на наш взгляд, внимание зависимости переменных, без которой трудно выявить общие закономерности и прийти к релевантным выводам.

В качестве методологической основы данной статьи выступает «генерационный» подход к изучению исторической памяти, сформулированный Х. Шуманом и Ж. Скоттом, где «поколение выступает в качестве фактора, с помощью которого можно предсказывать будущее поведение больших масс людей. Если выборка составлена из специфических генерационных групп, то можно доказать, что они отличаются некоторым единством мыслей и поступков» [15, с. 47-48]. Для нас такой генерационной группой выступает студенческая молодежь региона. Ограничение этого метода заключается в широте охвата когорты: если она слишком велика, то и доказать влияние прошлого опыта на настоящие поступки людей достаточно сложно. Здесь можно изучить один из аспектов действия, а именно - что из прошлого остается в памяти и влияет на поведение когорты. Авторы провели в 1985 г. исследование среди американцев (N=1410) от 18 лет и старше с использованием методов телефонного опроса, логистического анализа и контент-анализа ответов респондентов. Им предлагалось сначала подумать «о национальных и мировых событиях и изменениях» за последние 50 лет, а затем выделить 1-2 наиболее важные с их точки зрения. Уточняющие вопросы касались того, почему респонденты выбрали именно эти события. Два понятия «события» и «изменения» имели разный контекст: первое - как факт, ограниченный во времени (например, война), второе - как длительный процесс (например, освоение космоса). Авторы отмечают, что «самый значимый фактор, влияющий на историческую память, - это отсутствие образования» [15, с. 50]. Гипотеза исследователей, которую они назвали «эффект генерации», подтвердилась, то есть в основном люди указывали на события и изменения, происходившие в их юности. В качестве вывода ученые приводят два значения термина «коллективная память»: «в узком смысле - это персонифицированные коллективные воспоминания, в более общем смысле - коллективное восприятие и коллективные оценки, значимые для формирования будущего поведения членов данного поколения» [15, с. 59].

В качестве дополнительного инструментария для выявления возможностей фальсификации исторической памяти мы обращаемся к региональным исследованиям российскими социологами каналов передачи и механизмов трансляции исторической информации между поколениями.

Результаты исследования и их обсуждение

Для сравнительного анализа по заявленной проблеме фальсификации истории были взяты вторичные данные российских региональных социологических исследований студенческой молодежи. Выбор регионального аспекта представляется в данном контексте наиболее оправданным, так как он создает предметное поле для сравнительного анализа на уровне отдельных территорий. Отметим, что наиболее часто в исследованиях разного уровня встречается тема исторической памяти о Великой Отечественной войне, как о наиболее значимом событии, своеобразном индикаторе состояния исторической памяти, оценки степени ее фальсификации.

Средством для фальсификации исторической памяти может выступать сам канал ее передачи. Как отмечает Л.В. Макарова, свидетели исторических событий как носители живой памяти не будут подвержены влиянию информационных атак, а, значит, смогут адекватно передавать факты при личном общении. С течением времени и уходом поколений - свидетелей тех или иных знаковых событий информация может исказиться, так как поменяется канал ее передачи. В своем исследовании 2014 г. (N=120) среди представителей поколений, родившихся после 1990 г. в Московской области, автор ставит целью «конструирование обобщенной картины представлений о войне, которые переданы из устных источников» [16]. Студенческая молодежь здесь представлена отдельной группой, для которой свойственны общие закономерности, выявленные в ходе исследования, а именно, что основным источником правдивых исторических сведений выступает семья и личное общение внутри нее.

И.Б. Бритвина, изучая проблему межпоколенческой передачи исторической информации на примере сведений о Великой Отечественной войне, делает вывод о ключевом значении в данном процессе институтов первичной социализации (семья, школа), а также наибольшей уязвимости в данном процессе молодежи в возрасте 15-17 лет [17].

В исследовании иркутской студенческой молодежи (2016 г.) также показано, что оценка респондентами того или иного исторического события зависит от канала трансляции информации. Так, 60% указали, что негативно относятся к событиям Второй мировой войны, «так как их родственники помнят или даже были свидетелями прошедших страшных событий военных лет», помнят и передают в рассказах свои воспоминания. Не удивителен факт, что 86% опрошенных отметили в качестве наиболее важного праздника День Победы [18].

Панельное исследование «Великая Отечественная война в представлениях учащихся вузов: формирование российской гражданской идентичности» (2012, 2015 гг.), проведенное среди студентов Ростовской области, выявило целый ряд противоречий [19].

Первая панель (2012 г.) выявила 25,2% респондентов, не указавших или указавших с ошибкой дату начала Великой Отечественной войны, во второй панели (2015 г.) таких респондентов оказалось уже 30%, и это можно считать опасным регрессирующим фактором. Вторая панель выявила 40% респондентов, не знавших автора романа «Молодая гвардия». Среди возможных авторов фигурировали А.И. Соложеницын, М.А. Шолохов, М.М. Зощенко, то есть писатели примерно той же эпохи, но работавшие в других жанрах и направлениях. Среди героев войны каждый второй затруднился в выборе З. Космодемьянской, а каждый третий - А. Матросова, отвечая, что не знают, кто они такие. Также слабо выражена связь молодежи с современными общественными событиями и устремлениями. В качестве основных предметов гордости за свою страну и народ респонденты чаще указывали прошлые достижения в истории, культуре, науке и в меньшей степени - настоящее государство, территорию, государственные символы.

И в первой и во второй панели респондентам был задан вопрос о том, какие аспекты истории Великой Отечественной войны наиболее часто подвергаются фальсификации. Полученные данные говорят об определенной динамике (вопрос был закрытый): в 2012 г. 42,8% считали, что это «деятельность советского руководства в преддверии войны», а в 2015 г. это количество увеличилось на 1,5%. Только 54,8% респондентов во второй панели уверены, что наша страна смогла бы победить, если бы подобная по масштабу и тяжести испытаний война случилась в настоящее время. Авторы в данном случае приводят факт зависимости ответов от таких переменных, как направление подготовки и место постоянного проживания. Так, студенты инженерных специальностей и проживающие в сельской местности более уверены в победе нашей страны, чем представители педагогического, психологического и экономического направлений и проживающие в городах. В исследовании не приводятся данные об образовательном уровне, продемонстрированном студентами при поступлении, хотя здесь можно предположить более высокий проходной балл инженеров по сравнению с другими направлениями подготовки. Что касается места проживания, вероятнее всего, оптимизм сельских жителей связан с

высоким уровнем солидарности в маленьких поселениях, на который указывал еще Дюркгейм.

Предметом гордости большинства опрошенных, а также главной составной частью образа России и россиян стало место, где родился и вырос респондент (44,1%), но гордятся своей малой родиной только 23,1%. И такие показатели наблюдаются по всей выборке второй панели. Наименьший разрыв зафиксирован у молодых людей, постоянно проживающих в сельской местности.

Среди механизмов трансляции исторического прошлого заметна утрата позиций таких важнейших социальных институтов, как семья; она оказалась только на 5-м месте. Возглавляют его школа (2012 г. - 69,9%; 2015 г. - 59,1%) и просмотр документальных фильмов (2015 г. - 55,8%), далее следуют встречи с ветеранами войны (2012 г. - 37,7%; 2015 г. - 41,8%) и просмотр художественных фильмов о войне (2012 г. - 37,7%; 2015 г. - 34,4%). Необходимо отметить, что доля тех, кто отметил рассказы родителей и знакомство с семейными архивами, выросла с 2012 г. почти на 5% и составила 32,6%. Эти данные наглядно демонстрируют явление «исчезающего поколения», когда в семьях не остается свидетелей исторических событий (в данном случае - войны), и более молодые поколения получают сведения о них из образовательных источников и хроники. Между тем более 70% респондентов всегда отмечают День Победы и всегда с семьей, ощущая генетическую связь с давно прошедшим событием. Среди других источников трансляции исторических сведений опрошенные отметили музеи и воинские мемориалы (2012 г. - 24,8%; 2015 г. - 30,3%), художественную литературу о войне (25,9%), высшие учебные заведения (22,8%). В явных аутсайдерах оказались СМИ (2012 г. - 20%; 2015 г. - 14,1%) и Интернет (2012 г. - 17,9%; 2015 г. - 19,6%); обратная пропорция долей опрошенных говорит о потере традиционными СМИ власти над умами молодежи и росте этой тенденции в Сети.

Самый сложный аспект исследования касался оценки студентами деятельности националистических организаций во время Великой Отечественной войны. Согласных с тем, что деятельность РОА и УНА-УНСО была направлена не на борьбу с Красной армией, а против сталинского режима, в первой панели доходило до 31,1% опрошенных, а во второй панели, видимо под влиянием событий на Украине, их число уменьшилось до 24,3%. Между тем неопределившихся с оценкой этих движений достаточно много, примерно треть опрошенных, что свидетельствует о недостаточно определенной трактовке событий войны со стороны отмеченных выше каналов трансляции информации.

Еще больше сомнений вызвал у респондентов вопрос о причинах массовых депортаций различных народностей во время войны: 32,6% затруднились ответить; 30,9% связали это с последствиями тотального режима и ошибками в национальной политике; 25,4% считают, что это связано с пособничеством населения врагам; 11,1% думают, что процесс выселения связан с желанием руководства произвести «национальную чистку» в отдельных регионах.

В 2014 г. в ходе опроса, направленного на выявление базовых основ формирования исторической памяти среди студентов 1-х курсов, противоречивые данные были получены при ответах на вопросы, касающиеся знания базовых исторических фактов, например о стране, запустившей первый космический спутник на околоземную орбиту. Среди ответивших немалая доля тех, кто считает, что это сделали в США: 31,1% студентов экономического направления; 21,9% студентов гуманитарных направлений; 18,9% студентов инженерно-технологического направления; 16,2% студентов естественно-научного направления. По другим вопросам была выявлена подобная же парадоксальная картина: 15,7% обучающихся социально-гуманитарного направления считают, что музей «Эрмитаж» расположен в Москве; почти 13% будущих архитекторов и дизайнеров не знают ничего о его местоположении. Только четверть студентов психолого-педагогического направления знают, кто такой А. Тарковский и его фильмы.

Из базового школьного курса отечественной истории почти все респонденты (95,5%) смогли уверенно назвать только дату крещения Руси (988 г.), в остальных датах в целом все испытывают затруднения. Не смогли назвать имена первых русских святых

князей Бориса и Глеба 60,9% студентов. Демонстрируемый «разрыв» в исторических знаниях молодежи, вероятнее всего, вызван автоматическим заучиванием сведений, необходимых в ходе подготовки к ЕГЭ без качественного их осмысления. Интересные выводы позволяют сделать результаты ответов на вопросы, касающиеся знания русских сказок, былин, преданий как глубинной части исторической памяти. Немногим более 20% смогли назвать несколько русских былин и сказок, ссылаясь на редкое обращение к их текстам и непонимание их смысла. Вызывает опасения в данном случае тот факт, что нежелание проникать в символический сказочный мир связано с отсутствием интереса к прошлому своего народа. Причем в ответах на вопросы о представителях древнегреческого пантеона богов и героев респонденты оказались более осведомленными: более 60% знали их имена и подвиги.

Выводы

Сложность проблемы фальсификации исторической памяти в молодежной среде связана с целым спектром факторов, выявленных в теоретическом и эмпирическом исследовании. Во-первых, имеет место обозначенный «эффект генерации», причем пока в исследовательском поле изучения исторической памяти на первый план выходит память о Великой Отечественной войне. Как представляется автору, его можно расширить за счет более современных событий, например вхождения Крыма в состав Российской Федерации, что позволит подтвердить или отклонить существующие исследовательские методы. Фальсификация истории во многом обусловлена каналами передачи и механизмами трансляции исторической информации между поколениями и является следствием, с одной стороны, ухода старших поколений - свидетелей исторических событий, с другой стороны, недостаточной ролью семьи в передаче необходимой информации. Во-вторых, контекст обсуждения многих исторических событий меняется во времени, что в целом способствует искажению исторических фактов. В-третьих, деятельность образовательных учреждений в данном случае представляется достаточно противоречивой и не дает необходимого простора для осмысления исторических фактов, предлагая уже сложившиеся концепции. Представляется важным включение в социологические исследования по вопросу более корректного анализа данных зависимости переменных, построения квотной выборки по разным возрастным группам для определения механизмов социального взаимодействия между поколениями для выявления «эффекта генерации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. - М.: Мысль, 1978. - 592 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках, и другие философские работы / Пер. с лат. - М.: Академический проект, 2011. - 335 с.
3. Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Presses Universitaires de France, 2013. - 672 p.
4. Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма. // Социологическое обозрение. - 2014. - Т.13, № 2. - С. 141-167.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. - М.: Новое издательство, 2007. - 348 с.
6. Warburg A., Rampley M. The Absorption of the Expressive Values of the Past Trans // *Art In Translation*. - July 2009. - No. 1.2. - Pp. 273-283.
7. Moles A.A. Sociodynamique de la culture. - Paris. Editions Mouton, 1971. - 342 p.
8. Febvre L. Combats pour l'histoire. - Paris: Pocket, 1995. - 453 p.
9. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
10. Szacka B. Czas przeszły, pamięć, mit. - Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2006. - 239 p.
11. Wiatr J.J. Refleksje o polskim i międzynarodowym. - Warszawa: Wydaw. Instytutu Filozofii i Socjologii PAN, 2004. - 193 p.

12. Штоп-Рутковска К. Киберпамять, или О чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социологические исследования. - 2015. - № 4. - С. 130-139.
13. Olick J.K., Robbins J. Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. - 1998. - Vol. 24. - Pp. 105-140.
14. Шамшури В.И. История социологии и история социальной мысли: общее и особенное (круглый стол) // Социологические исследования. - 1996. - № 10. - С. 77-88.
15. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. - 1992. - № 2. - С. 47-60.
16. Макарова Л.В. Великая Отечественная: что остается в личной памяти? // Социологические исследования. - 2015. - № 11. - С. 107-114.
17. Бритвина И.Б. Проблема сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. - 2015. - № 5. - С. 18-21
18. Сидорова А.А. Особенности социальной памяти: результаты социологического исследования в г. Иркутске // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XL междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11(40). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/11\(40\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/11(40).pdf) (дата обращения: 30.09.2018).
19. Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Штомпель О.М., Понеделков А.В. Культурные аспекты исторической памяти российских студентов // Власть. - 2016. - № 9. - С. 155-163.

REFERENCES

1. Behkon F. Sochineniya v dvuh tomah. [Works in two volumes]. T. 2. M.: Mysl', 1978. 592 p. (in Russ.)
2. Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah i drugie filosofskie raboty [Reasoning about the method in order to correctly direct your mind and to seek truth in the sciences and other philosophical works]. Per. s lat., M.: Akademicheskij proekt, 2011. 335 p. (in Russ.)
3. Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. PRESSES UNIVERSITAIRES DE FRANCE. 2013. 672 p. (in French)
4. Vasil'ev A. Voploshchennaya pamyat': kommemorativnyj ritual v sociologii E. Dyurkgejma. [The embodied memory: commemorative ritual in the sociology of E. Durkheim]. Sociologicheskoe obozrenie. 2014. T.13, no.2. Pp. 141-167. (in Russ.)
5. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati. [Social memory framework]. Per. s fr. S.N. Zenkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (in Russ.)
6. Warburg A., Rampley M. The Absorption of the Expressive Values of the Past Trans. *Art In Translation*. 1.2 (July 2009). Pp. 273-283. (in English)
7. Moles A.A. Sociodynamique de la culture. Paris. Editions Mouton, 1971. 342 p. (in French)
8. Febvre L. Combats pour l'histoire. Paris: Pocket, 1995. 453 p. (in French)
9. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. [Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Per. s nem. M.M. Sokol'skoj. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 p. (in Russ.)
10. Szacka B. Czas przeszły, pamięć, mit. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2006. 239 p. (in Polish)
11. Wiatr J.J. Refleksje o polskiminteresienarodowym. Warszawa: Wydaw. Instytutu Filozofii i Socjologii PAN, 2004. 193 p. (in Polish)
12. Shtop-Rutkovska K. Kiberpamyat', ili o chem my (ne)pomnim v seti. Analiz lokal'noj pamyati: Belostok i Lyublin Cyber memory, or what we (do not) remember in the network. [Analysis of local memory: Bialystok and Lublin]. Sociologicheskije issledovaniya. 2015. no. 4. Pp. 130-139. (in Russ.)
13. Olick J.K., Robbins J. Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices. Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. Pp. 105-140. (in English)
14. Shamshurin V.I. Istoriya sociologii i istoriya social'noj mysli: obshchee i osobennoe (kruglyj stol). [The history of sociology and the history of social thought: the general and the particular (round table)]. Sociologicheskije issledovaniya. 1996. no. 10. Pp. 77-88. (in Russ.)
15. Shuman G., Skott, ZH. Kollektivnaya pamyat' pokolenij. [The collective memory of generations]. Sociologicheskije issledovaniya. 1992. no.2. Pp. 47-60. (in Russ.)

16. Makarova L.V. Velikaya Otechestvennaya: chto ostaetsya v lichnoj pamyati? [Great Patriotic: what remains in personal memory?]. Sociologicheskie issledovaniya. 2015. no. 11. Pp. 107-114. (in Russ.)
17. Britvina I.B. Problema sohraneniya i aktualizacii pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne [The problem of preserving and updating the memory of the Great Patriotic War]. Sociologicheskie issledovaniya. 2015. no. 5. Pp. 18-21. (in Russ.)
18. Sidorova A.A. Osobennosti sotsialnoy pamyati: rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya v g. Irkutske [Features of social memory: the results of a sociological study in the city of Irkutsk]. Molodejnyiy nauchnyiy forum: Obschestvennyie i ekonomicheskie nauki: elektr. sb. st. po mat. XL mejdunar. stud. nauch.-prakt. konf. no. 11(40). Available at: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/11\(40\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/11(40).pdf) (accessed 30 09 2018)
19. Filonenko V.I., Shtompel' L.A., Shtompel' O.M., Ponedelkov A.V. Kul'turnye aspekty istoricheskoy pamyati rossijskih studentov. [Cultural aspects of the historical memory of Russian students]. Vlast'. 2016. no. 9. Pp. 155-163. (in Russ.)

Информация об авторе:

Андриянова Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, Курский государственный университет, г. Курск, Россия
andriyanova.tv@gmail.com

Получена: 14.09.2018

Information about the author:

Tatyana V. Andriyanova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Kursk State University, Kursk, Russia
andriyanova.tv@gmail.com

Received: 14.09.2018